

Противодействие террористическим угрозам

Зарубежный опыт

Юрий Григоров

Для оценки эффективности российской общегосударственной системы противодействия терроризму, а также определения направлений её совершенствования представляется целесообразным рассмотреть зарубежный опыт противодействия террористическим угрозам, накопленный спецслужбами и правоохранительными органами иностранных государств в конце прошлого – начале нынешнего столетия.

К настоящему времени таким опытом в большей степени обладают спецслужбы и полиция США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Испании, ряда государств Ближнего и Среднего Востока (прежде всего Израиля), а также Турции, Сирии, Египта, Ирака, Ирана, Пакистана, Индии, Шри-Ланки. Уже в течение нескольких десятилетий указанные государства вынуждены прилагать огромные усилия по предотвращению и минимизации последствий террористических акций, совершаемых активно действующими на их территории экстремистскими организациями и группами. Предметом рассмотрения в данном случае являются выработанные спецслужбами и правоохранительными органами этих государств принципы, формы и методы борьбы с терроризмом, оценка их эффективности и возможности использования спецслужбами и правоохранительными органами Российской Федерации с учетом политических, правовых, социальных и иных российских реалий.

Поскольку объем данной статьи не позволяет автору рассмотреть опыт борьбы с экстремистскими проявлениями, накопленный спецслужбами каждой из

ГРИГОРОВ Юрий Михайлович – кандидат юридических наук, профессор, независимый эксперт. E-mail: prorags@gmail.com

Ключевые слова: спецслужбы и правоохранительные органы, терроризм, экстремистские организации, военно-полицейские операции, Европол, КТО, войны шестого поколения.

вышеперечисленных стран, представляется целесообразным изложить лишь результаты анализа и обобщения указанного опыта на примере таких государств, как США, Великобритания, Франция, Испания и Израиль, добившихся определённых успехов в противодействии террористическим угрозам.

Как свидетельствует проведённый автором ретроспективный анализ имеющихся материалов, современная практика и осуществление силового и специального воздействия на носителей террористических угроз в США и государствах, являющихся их ведущими союзниками по Организации Североатлантического договора, в значительной степени базируется на положениях разработанной ещё в 50-х – 60-х годах прошлого века так называемой доктрины контрпартизанской борьбы.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что разработчиками указанной доктрины был тщательно изучен и широко использован опыт борьбы с партизанскими формированиями, накопленный немецко-фашистскими спецслужбами и командованием вермахта на оккупированной территории Советского Союза, Югославии, Польши, Франции и других европейских стран. В частности, это касалось таких организационных мер, как:

- раздел территории, охваченной движением сопротивления, на зоны ответственности и закрепление их за головными подразделениями спецслужб (абвергруппами и подчинёнными им абверкомандами; айнзатцгруппами – айнзатцкомандами СС);

- осуществление в каждой зоне ответственности обязательного комплекса режимных, контрразведывательных, информационно-пропагандистских, административно-экономических и войсковых мероприятий;

- сосредоточение усилий на агентурном проникновении в партизанские формирования, подпольные структуры сопротивления и их последующей оперативной разработке;

- массовые репрессии и всемерное запугивание местного населения;

- карательные экспедиции, осуществляемые силами 12 охранных дивизий СС, специальных полицейских батальонов СС, полевых войск и др. [2,5].

К середине 60-х годов термин «контрпартизанская борьба» в угоду политической конъюнктуре всё чаще стал заменяться в официальных документах на термины «борьба с иррегулярными силами», «борьба с незаконными вооружёнными формированиями», к которым Устав армии США № 90-8 (1964 г.) относил помимо партизан и подпольщиков также повстанцев, участников «социальных беспорядков», вооружённые отряды оппозиционных политических сил, специальные диверсионно-разведывательные формирования внешнего и внутреннего противника [4].

Ещё в 1962 г. Президент США Дж. Кеннеди, выступая в конгрессе по вопросу резкого обострения политической обстановки и роста повстанческого движения в странах Латинской Америки – полуколониях США, назвал «войну с повстанцами, партизанами и бандформированиями» новым типом войны, требующим новой стратегии, организации и тактики специальных сил, новых форм ведения боевых действий [6].

На основе результатов анализа опыта подавления повстанческих движений в различных регионах мира ведущие теоретики «контрпартизанской борьбы» С.Белиджак, П.Парет, Дж.Шай и др. пришли к сходным выводам о том, что «концентрация усилий на боевых действиях против иррегулярных сил не может обеспечить полной победы, пока повстанцы опираются на помощь и поддержку местного населения». Для нанесения решающего поражения вооружённым формированиям повстанцев необходимо, по их мнению, умелое сочетание различных форм борьбы, прежде всего специальных (т.е. конспиративных), военных, политических, экономических, информационных, правовых [9, 10, 8].

Разработанные этими теоретиками положения легли в основу тактики так называемых военно-полицейских операций, успешно апробированной армией и спецслужбами США в Доминиканской Республике, Гватемале, Никарагуа, на Филиппинах, во Вьетнаме, ряде других стран и получившей своё нормативное закрепление в Уставе армии США М-100-20 «Боевые действия в конфликтах низкой интенсивности», Наставлении для армии США М-31-5 «Операции против иррегулярных сил», в Уставе бундесвера (ФРГ) «Обеспечение безопасности войск» и некоторых других нормативных правовых актах [7].

Реализация на практике положений доктрины военно-полицейских операций потребовала формирования целостной системы мер по борьбе с иррегулярными вооружёнными формированиями, основу ко-

торой составили меры по защите (охране и обороне) стратегически важных районов и объектов, режимные мероприятия в сочетании с разведывательными и контрразведывательными, непосредственные действия по выявлению, разложению и ликвидации незаконных вооружённых формирований (НВФ), захвату и нейтрализации их лидеров.

Следует подчеркнуть, что в указанных выше и последующих руководствах по организации и ведению военно-полицейских операций особое внимание уделялось деятельности спецслужб по выявлению и нейтрализации разведывательной сети НВФ, приобретению надёжных источников информации в окружении лидеров повстанческих движений, обеспечению строгой конспирации проводимых мероприятий. Указанные меры предписывалось дополнять действенным контролем за жизнедеятельностью и передвижением гражданского населения в районе проведения операции (установление комендантского часа, объявление запретных зон, дополнительная регистрация населения, выдача временных удостоверений и пропусков, строго нормированное распределение продовольствия и др.). Основная цель проводимых при подготовке и осуществлении операции разведывательных и контрразведывательных мероприятий, по замыслу разработчиков доктрины, – это обнаружение точного места дислокации НВФ и создание наиболее благоприятных условий для войсковой фазы операции, предназначенной для решительного разгрома и максимально полной ликвидации вооружённых отрядов повстанцев (диверсионно-

разведывательных формирований противника) с широким использованием бомбо-штурмовых ударов авиации, ракетно-артиллерийских обстрелов, вертолётных десантов.

В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века экспертами Организации Североатлантического договора в области ведения «конфликтов низкой интенсивности» (А.Фишер, Ф.Армбрустер и др.) была обоснована целесообразность активного применения на территории, контролируемой НВФ, специальных подразделений так называемых охотников-убийц [12]. Небольшие по численности (от отделения до взвода) подразделения спецслужб и вооружённых сил, прошедшие специальную подготовку, предлагалось использовать для физического устранения лидеров и активистов антиправительственных сил, запугивания населения, разрушения тыловой инфраструктуры и системы боевого управления НВФ, проведения акций психологических операций по всемерному ослаблению поддержки «экстремистских элементов» со стороны местного населения.

На практике использование специальных подразделений такого рода вызывало серьёзные правовые проблемы для верхних эшелонов власти страны, в том числе и на дипломатическом уровне. По этой причине спецслужбы ряда государств перешли к широкому использованию легендированных организационных структур, формально не имеющих отношения ни к ним, ни к полиции, ни к вооружённым силам и состоящих из так называемых «социально активных граждан – членов патриотических союзов, стремящихся ока-

зать содействие органам власти в обеспечении порядка и безопасности». Речь идёт о пресловутых «эскадронах смерти», наводивших ужас на население территорий, охваченных антиправительственными выступлениями.

Спецслужбы **Испании**, накопившие большой опыт борьбы с баскскими экстремистами [13], с 1983 г. стали активно использовать формирования «Антитеррористической группы освобождения» (*Grupo Antiterrorista de Liberacion*), сумевших в период с 1983 по 1987 г. выявить и физически ликвидировать 27 авторитетных активистов ЭТА. В 1996 г. официально были вскрыты факты непосредственного участия в противоправной деятельности данного «эскадрона смерти» десятков кадровых офицеров испанской полиции, о чём доподлинно было известно министру внутренних дел страны и руководству испанских спецслужб. В результате разразившегося скандала премьер-министр Испании Ф.Гонсалес вместе со своим кабинетом вынужден был уйти в отставку.

Легальной силовой структурой правоохранительных органов Испании, предназначенной для осуществления специальных мероприятий и операций по задержанию вооружённых террористов и ликвидации террористических групп, является Группа спецопераций (*Grupo Especial para los Operaciones – GEO*) Национальной полиции Испании.

Об уровне подготовки сотрудников данного подразделения можно судить хотя бы по факту освобождения ими в ходе одной специальной операции свыше 200 заложников, захваченных в 1981 г. боевиками ЭТА в здании

Центрального банка г. Барселоны. Во время штурма здания все 24 хорошо вооружённых и подготовленных террориста были частью нейтрализованы, а часть захвачены живыми. Из числа заложников в ходе спецоперации погиб лишь 1 чел.

Однако не экстремистские акции баскских сепаратистов стали наиболее сильным потрясением для населения и Правительства Испании в XXI столетии, а синхронизированные по времени террористические акты, совершённые в пригороде Мадрида 11 марта 2004 г. исламскими фундаменталистами, связанными с международной террористической сетью «Аль-Каида».

Тогда в результате одновременных взрывов в нескольких электропоездах погибло свыше 200 и было ранено около 1500 чел.

Активно используя опыт, приобретённый в ходе противодействия террористической деятельности боевиков ЭТА, испанские спецслужбы и полиция достаточно быстро сумели вскрыть и на время парализовать разветвлённую подпольную сеть исламских террористических групп, включавших в основном выходцев из государств Северной Африки [1].

Серьёзного интереса заслуживает опыт борьбы спецслужб и правоохранительных органов **Великобритании** с террористической деятельностью боевиков ИРА [14], а позднее с террористическими акциями исламских экстремистов. При этом реализуемые спецслужбами страны достаточно эффективные оперативные меры, как правило, находили своё развитее в хорошо продуманных организационно-правовых решениях правительственных инстанций.

Так, с 1975 г. после объявления так называемого перемирия между ИРА и официальным Лондоном британским спецслужбам удалось удачно внедриться с помощью своей агентуры в руководство ИРА. Следствием этого явилась не только успешная разработка ключевых звеньев ИРА, но и ликвидация боевиками этой организации 63 своих же товарищей, обвинённых в якобы совершённом предательстве.

С 1972 г. после установления Лондоном прямой формы правления в Северной Ирландии контрразведывательная служба МИ-5 активно включилась в контртеррористическую борьбу в полном объёме, осуществляя сбор информации о замыслах и направлениях деятельности, руководящего звена ИРА, его зарубежных связях и т.п. На сбор информации о подготовке боевиками ИРА конкретных террористических акций и расследование уже совершённых также была нацелена и Ольстерская королевская полиция.

Определённый интерес представляет практика использования армейских подразделений в период наибольшей эскалации экстремистских и террористических проявлений в Северной Ирландии в 70-х годах прошлого века. Начав с обеспечения физической охраны наиболее важных объектов органов власти и критической инфраструктуры, армейские подразделения вскоре были привлечены к силовой поддержке полицейских мероприятий и операций, а затем постепенно были вовлечены в полномасштабную борьбу с ирландским сепаратизмом. Это подразумевало не только осуществление войсковых операций по разгрому и ликвидации вооружённых отрядов и групп ИРА, но также и оперативную

работу по внедрению в указанную организацию.

В 90-х годах прошлого века в Великобритании на правительственном уровне была разработана долгосрочная антитеррористическая стратегия *Contest*, включающая четыре основных направления:

- предотвращение террористических акций;
- преследование террористов;
- защита объектов террористических устремлений;
- готовность специальных государственных структур к действиям в условиях террористического кризиса.

Последним направлением, в частности, предусматривается формирование оперативного штаба для управления контртеррористической операцией (КТО), руководителем которого по должности является шеф Скотланд-Ярда. Решение о вооружённом подавлении террористической угрозы выносит премьер-министр Великобритании после совещания с руководством спецслужб и правоохранительных органов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что всю полноту ответственности за разрешение «террористического кризиса» принимает на себя Правительство Соединённого Королевства, освобождая от неё местные власти.

После совершённых 11 сентября 2001 г. в США террористических актов Правительством Великобритании было инициировано принятие нового антитеррористического закона, наделявшего полицию и спецслужбы правом на бессрочный арест без санкции суда и прокурора иностранных граждан, подозреваемых в

причастности к террористической деятельности с последующей их депортацией из страны. Полномочия на санкционирование бессрочного ареста законом предоставлялись министру внутренних дел.

После серии взрывов в Лондоне, осуществлённых исламскими фундаменталистами (июль 2005 г.), последовало новое ужесточение антитеррористического законодательства, связанное со значительным усилением санкций в отношении организаций и отдельных лиц, участвующих прямо или косвенно в подготовке террористических актов и подстрекательстве к террористической деятельности. Помимо прочего, вновь принятые законы предусматривали значительное увеличение срока предварительного задержания подозреваемых лиц до предъявления им обвинения, а также широкое применение для граждан страны так называемых контрольных ордеров, резко ограничивающих возможности перемещения и общения подозреваемых лиц, не находящихся под арестом.

Большой исторический опыт борьбы с политическим экстремизмом и терроризмом имеют и правоохранительные органы и спецслужбы во **Франции** [3].

В 60-х годах прошлого века Правительству Франции из-за последствий многолетней войны с национально-освободительными силами Алжира пришлось развернуть полномасштабную борьбу с экстремистской и террористической деятельностью как правых, так и левых радикалов. Как известно, в 1961 г. правыми экстремистами, категорически

несогласными с решением правительства об уходе Франции из Алжира, была создана Секретная вооружённая организация (ОАС), ставившая своей целью осуществление государственного переворота и устранение с политической арены президента Франции генерала Шарля де Голля и сформированного им правительства страны.

В 1968 г. Франция оказалась охваченной массовыми беспорядками и акциями протеста молодёжи, получившими неофициальное название «студенческой революции», инспирированной крайне левыми социал-экстремистами.

В начале 70-х годов прошлого века у Франции появилась новая серьёзная террористическая угроза в лице палестинских террористических групп, развернувших в стране свою активную противоправную деятельность под идейным руководством известного экстремистского лидера Карлоса Шакала.

В 80-е годы прошлого века по городам Франции прокатилась целая серия террористических актов, подготовленных и осуществлённых исламскими террористами, деятельность которых вдохновлялась и финансировалась околоправительственными кругами Сирии и Ирана.

Новый всплеск исламского терроризма наблюдался во Франции в 90-е годы прошлого века и был связан с противоправной деятельностью алжирских религиозных экстремистов, предпринявших в 1994 г., кроме всего прочего, попытку захвата пассажирского самолёта авиакомпании *Air France* с целью его последующего использования для унич-

тожения символа Франции – Эйфелевой башни.

Среди мер, предпринимаемых французским правительством по нейтрализации возникающих террористических угроз, заслуживает внимания относящаяся к 1978 г. разработка концепции государственного реагирования на террористические проявления различного уровня. Позднее она была реализована в официально принятом общенациональном плане *Vigipirate*, предусматривавшем около 40 вариантов (сценариев) действий правоохранительных органов, спецслужб и вооружённых сил при возникновении кризисных ситуаций, вызванных террористическими проявлениями. Данный план представляет собой достаточно целостную систему мер, направленных прежде всего на предотвращение возможных террористических акций. Необходимость реализации указанного плана в том или ином объёме определяется степенью реальности и масштабами возникшей террористической угрозы. В зависимости от этого план вводится в действие в «простом» или «усиленном» вариантах.

Планом, в частности, предписывается организация активного взаимодействия спецслужб, полиции, жандармерии и вооружённых сил. В «усиленном» варианте планируется широкое задействование подразделений и частей армии, ВВС и ВМС Франции, а также предусматривается частичное мобилизационное развёртывание всех вышеуказанных силовых структур.

План *Vigipirate* неоднократно вводился в действие (так же как и планы *Pirater* и *Piratom* по предотвраще-

нию и пресечению террористических актов в отношении воздушных судов и ядерных объектов) и продемонстрировал свою реальную эффективность.

Так, с помощью реализованной системы мер французским правоохранительным органам и спецслужбам удалось предотвратить на территории страны серьёзные террористические акции, связанные с проведением военной операции против Ирака «Буря в пустыне» (1991 г.), ближневосточным кризисом вокруг Израиля (1995–1996 гг.), миротворческими операциями в провинциях Югославии – Боснии и Косово (1998 г.), антиправительственными сепаратистскими выступлениями на Корсике (2000 г.).

С образованием коалиции западноевропейских государств, известной как Евросоюз, в повестку дня сразу же был поставлен вопрос о координации деятельности спецслужб и правоохранительных органов стран-участниц прежде всего в сфере борьбы с международным терроризмом. В этой связи представляется заслуживающим внимания европейский опыт создания Единой европейской полиции – Европола, наделённой широкими полномочиями, предусматривающими, в частности, упрощённый порядок экстрадиции лиц, обвиняемых в причастности к террористической деятельности, ужесточение государственного контроля за осуществляемыми банковскими операциями, неограниченный доступ сотрудников Европола к электронным базам данных интернет-провайдеров и телефонных компаний.

Ещё одним важным шагом в вопросе координации и взаимодействия субъектов борьбы с терроризмом в государствах Евросоюза следует счи-

тать подписанный 17 февраля 2004 г. министрами внутренних дел Франции, Испании, Италии и Германии договор о создании коллективной системы безопасности.

При этом важно отметить, что главы МВД предложили правительствам и парламентам своих государств ряд интересных законопроектов, закрепляющих достигнутые договорённости в плане оперативной унификации антитеррористического законодательства, за образец которого были приняты законодательные акты Франции и Испании.

В соответствии с заключённым договором с 2005 г. в паспорта граждан вышеназванных государств вносятся биометрические данные.

Результаты анализа и обобщения зарубежного опыта противодействия террористической деятельности дают автору основание для вывода о существовании в каждой из стран своего рода «временного Рубикона», переход которого знаменует начало качественно нового этапа в организации и тактике антитеррористической защиты, существенном изменении концептуальных подходов к её правовому обеспечению и регулированию.

Так, если для спецслужб и правоохранительных органов Израиля и ФРГ своего рода хронорубежом стали события 1972 г., связанные с физическим уничтожением палестинской террористической группой «Чёрный сентябрь» членов спортивной делегации Израиля во время мюнхенской Олимпиады, то для аналогичных государственных структур США таким «временным Рубиконом», безусловно, явилась серия террористических актов, совершённых

11 сентября 2001 г., когда воздушно-мусорному нападению исламских экстремистов, захвативших гражданские авиалайнеры, подверглись объекты в гг. Нью-Йорке и Вашингтоне*.

Как прямое следствие этих событий должно рассматриваться принятие уже в октябре 2001 г. конгрессом США временных поправок к анти-террористическому законодательству, получивших красноречивое название «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему»**. Акт максимально расширял полномочия ФБР и других спецслужб на прослушивание телефонных переговоров, отслеживание электронной переписки, доступ ко всевозможным базам данных частных компаний, а также резко усиливал ответственность за укрывательство террористов.

Вслед за этим в 2002 г. последовало принятие Закона «О внутренней безопасности США», закрепившего в правовом отношении основные направления деятельности государства в сфере борьбы с терроризмом.

В соответствии с положениями указанного закона в США была осуществлена масштабная реорганизация органов исполнительной

власти, завершившаяся образованием в январе 2003 г. Министерства внутренней безопасности США, объединившего ресурсы 22 различных ведомств и государственных организаций.

Проведённый в 2002–2003 гг. экспертами Правительства США анализ наиболее вероятных угроз национальной безопасности показал высокую уязвимость транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры страны от возможных террористических акций.

Следует отметить, что Администрация США приняла во внимание мнение ведущих американских и других зарубежных экспертов, согласно которому проблема борьбы с экстремизмом и терроризмом требует прежде всего принятия эффективных мер политического и экономического воздействия. В этой связи Госдепартаментом США была инициирована системная работа по привлечению широких кругов научного сообщества и бизнеса к формированию новой политической, научно-технической и технологической базы, опираясь на которую можно было бы эффективно противодействовать современным террористическим угрозам.

В рамках намеченного политического курса руководством США был

* Окончательная ясность в сущность тех событий, получивших невероятный мировой резонанс и повлекших за собой резкое усиление военной активности США на Ближнем и Среднем Востоке, до настоящего времени не внесена. Множество вскрытых и обнародованных за прошедшие годы фактов, касающихся обрушения башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, повреждений, полученных зданием Пентагона в Вашингтоне, депортации из США близких родственников У. бен Ладена и других событий сентября 2001 г. никак не вписываются в официальную версию «грандиозной террористической атаки».

** Краткое или, как принято в американской законодательной системе, «популярное название» поправок – «Акт патриота США 2001 года», вариант – «Патриотический акт 2001 года».

принят целый ряд программных общегосударственных актов доктринального характера и предприняты важные законодательные инициативы.

Так, в частности, были утверждены:

Национальная стратегия внутренней безопасности (июнь 2002 г.);

Стратегия национальной безопасности США (сентябрь 2002 г.);

Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения (декабрь 2002 г.);

Национальная стратегия физической защиты ключевых элементов критической инфраструктуры (февраль 2003 г.);

Национальная стратегия обеспечения безопасности киберпространства (февраль 2003 г.).

В развитие принятых доктринальных документов были добавлены ещё три президентские директивы в области обеспечения внутренней безопасности США:

№ 6 – «О сборе и использовании информации о лицах, имеющих или могущих иметь отношение к террористической деятельности» (сентябрь 2003 г.);

№ 7 – «Об идентификации критических элементов национальной инфраструктуры и определении приоритетов в организации их защиты» (декабрь 2003 г.);

№ 8 – «О повышении готовности США к противодействию и минимизации последствий террористических актов и других чрезвычайных ситуаций» (декабрь 2003 г.).

В указанных документах определены общие стратегические направления обеспечения национальной безопасности США, важнейшим из которых наряду с другими признана противодиверсионная и антитеррористическая защищённость органов государственной власти, объектов государственного управления, военной, экономической, научно-технической инфраструктуры, а также населения страны.

Важно отметить, что одновременно с разработкой концептуальных и правовых основ антитеррористической составляющей внешней и внутренней политики США, отвечающей реалиям начавшегося XXI столетия, американской администрацией и руководством спецслужб были предприняты энергичные организационные усилия по реализации перечисленных выше программных установок.

Так, например, особое внимание спецслужб США было уделено розыску и задержанию мобильных террористических групп, осуществляющих подготовку террористических акций на территории одних государств, совершающих эти акции на территории других государств, а затем укрывающихся после их совершения на территории третьих стран. В этих целях в 2004 г. заинтересованными ведомствами США, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии была, по существу, заново воссоздана существовавшая во время Второй мировой войны глобальная англосаксонская система радиоперехвата *Echelon* («Эшелон»). Указанная сеть обеспечила не только оперативный обмен разведанными между спецслужбами стран-участниц, но и реальное объединение национальных баз данных на участников международных террористических организаций.

В 2005 г. все ведущие мировые СМИ распространили информацию о существовании целой сети объединённых разведывательных центров во главе с ЦРУ США более чем в 30 странах мира, осуществляющих розыск лиц, причастных к террористической деятельности.

Официальное название этих центров, дислоцирующихся в Западной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке, – Контртеррористические разведывательные центры (*Counterterrorist Intelligence Centers – CTICs*). Наиболее известный из таких *CTICs* – «База Альянс», учреждённая совместно ЦРУ и французской службой внешней разведки *DGSE*.

Предназначенная для выявления и розыска лиц, причастных к террористической деятельности, отслеживания их перемещений по странам мира, разработки и проведения спецопераций по их задержанию (нейтрализации) данная сеть разведывательных центров эффективно дополняет уже упоминавшуюся систему радиоперехвата «Эшелон» и, по мнению автора, представляет собой весьма перспективное направление сотрудничества спецслужб государств – союзников США в сфере противодействия международному терроризму. В рамках данного направления сотрудничества появилась реальная возможность проведения специальных мероприятий по борьбе с преступной деятельностью международных экстремистских и террористических организаций за пределами национальных границ стран-участниц. При этом может не афишироваться информация о том, какая из спецслужб альянса несёт ответственность за проведение той или иной контртеррористической операции.

Достижению этих целей во многом способствует значительный прогресс в области разработки и применения новейших технических средств дистанционного обнаружения и поражения объектов, интересующих спецслужбы.

Так, например, в мае 2002 г. ЦРУ США совместно со спецслужбами Великобритании и Германии была проведена спецоперация по физическому устранению известного афганского полевого командира Г.Хекматиара, организовавшего ряд террористических актов против войск антиталибской международной коалиции. Автомобиль, в котором он находился вместе со своей охраной, был обнаружен, опознан и уничтожен с помощью специально для этого разработанной крылатой ракетой, способной выполнять функции беспилотного самолёта-разведчика и одновременно управляемой ракеты класса «воздух-земля».

Аналогичная операция в конце 2002 г. была проведена и в Йемене, где с помощью такого же беспилотника были обнаружены и уничтожены вместе с автомобилем пять руководителей местного отделения «Аль-Каиды».

Большой политический и общественный резонанс получило проведение 1–2 мая 2011 г. на территории Пакистана спецоперации «Трезубец Нептуна» по ликвидации международного террориста № 1 Усамы бен Ладена.

Привлекавшаяся к операции Группа развития специальных действий на море (*Naval Special Warfare Development Group*) из состава Объединённого командования специальных операций США, известная как «тюлени» или «морские коттики», использовала, в частности, новейшие вертолёты-невидимки *HH-60H* с технологией «Стелс».

Подавление радио- и телефонных сигналов в районе спецоперации во время её проведения осуществлялось с помощью самолёта радиоэлектронной борьбы *EA-6 Prowler*. Телетрансляция хода операции в режиме онлайн для высших должностных лиц США велась через микротелекамеры, которыми были оснащены шлемы участвовавших в операции «тюленей».

Розыск, захват и нейтрализация носителей террористических угроз чаще всего осуществляется спецслужбами США (так же как и

других иностранных государств) в рамках проводимых контртеррористических операций как локального масштаба, так и стратегического уровня [15].

Результаты анализа имеющихся по этому вопросу источников говорят о том, что в КТО локального масштаба (операциях по освобождению заложников, прекращению деятельности экстремистских религиозных сект, захвату одиозных экстремистских лидеров) для ФБР и полиции США действуют установки на разрешение кризисной ситуации террористического характера по возможности без применения оружия и человеческих жертв. При этом в отличие от антитеррористической практики спецслужб и правоохранительных органов Израиля, отрицающих какую бы то ни было возможность ведения переговоров с террористами, в США особо выделяется роль переговорного процесса с преступниками. В частности, делается акцент на оказание психологического воздействия на террористов через их родственников и лиц из числа близкого окружения.

Представляет интерес информация о разделении так называемых сфер ответственности между ФБР и местной полицией при разрешении кризисных ситуаций, связанных с захватом заложников.

Так, полиция, например, отвечает лишь за криминальные захваты заложников (в помещениях банков, торговых центров и т.д. при неудачных попытках ограбления). В то же время все преступления такого рода, квалифицируемые как терроризм, находятся в зоне ответственности специализированных подразделений ФБР *Hostage Rescue Team* — *HRT*. Именно начальник соответствующего отдела *FBI* — *HRT*, согласно действующему законода-

тельству, возглавляет оперативный штаб при проведении спецопераций по освобождению заложников.

Следовательно, аналогично порядку, действующему в странах Евросоюза, именно федеральные власти США несут ответственность за пресечение и минимизацию последствий террористических актов.

Что же касается КТО так называемого стратегического уровня (именно так они официально именуется Администрацией США), то следует отметить следующее. Все операции такого рода, проводимые за пределами территории США и государств — их союзников, лишь условно могут быть отнесены к КТО. В данном случае речь идёт не столько об операциях в сфере борьбы с терроризмом, сколько о так называемых войнах шестого поколения, идущих на смену всё более теряющим эффективность «цветным революциям», ориентированным преимущественно на использование ненасильственных средств и методов воздействия на тот или иной политический режим с целью его свержения.

«Войны шестого поколения», ведущиеся за утверждение политического и экономического господства в стратегически важных регионах планеты, позволяют США и их ближайшим союзникам по Организации Североатлантического договора достигать поставленных целей, не афишируя своё военное присутствие на территории иностранного государства. В этом случае неугодные политические режимы свержаются в результате инспирированных извне массовых акций гражданского неповиновения, осуществляемых лояльной к политике США частью населе-

ния страны, из числа которого немедленно формируются так называемые повстанческие отряды. Вскоре на их базе развёртывается мощное антиправительственное движение, сразу же получающее международное признание и поддержку. При реализации такого сценария событий объединённые вооружённые силы НАТО (в основном подразделения ВВС и ВМС) наносят, как правило, точечные удары по объектам государственного управления и военной инфраструктуры, а основная роль в организации государственного переворота отводится особым подразделениям спецслужб и сил специальных операций.

Наиболее яркими примерами «КТО стратегического уровня» стали проведённые после 2001 г. операции по свержению международно признанных правительств и их глав в Ираке, Афганистане, Йемене, а также относительно недавние в Тунисе (2010 г.), Египте (2010 г.), Ливии (2011 г.), продолжающаяся операция в Сирии (2012–2014 гг.).

Мало кто сомневается, что события 2014 г. на Украине являются очередной серией глобального сценария таких «КТО стратегического уровня». По оценке известных политических аналитиков и экспертов, подобных серий может быть ещё много.

В этом контексте нельзя обойти вниманием вопрос, касающийся реальной приверженности высшего военно-политического руководства США и государств – их ближайших союзников по Организации Североатлантического договора базовым принципам, положениям и

нормам международного гуманитарного права.

Так, все ныне действующие международные правовые акты в сфере обеспечения безопасности государств от внешних и внутренних угроз декларируют обязанность высших и иных органов исполнительной власти осуществлять свою деятельность в рамках существующего правового поля с соблюдением всех необходимых юридических процедур. Однако на практике руководство высших органов исполнительной власти и спецслужб указанных государств стремится максимально сузить область действия правовых норм, гарантирующих неотъемлемые права и свободы человека, иницируя ужесточение или выхолащивание содержания соответствующих законов, договоров, соглашений. Цель этих действий вполне очевидна и подчинена стремлению устранить любые формально-юридические препятствия на пути реализации принятых программных политических установок в сфере противодействия терроризму.

Наглядным подтверждением этого являются происходящие на фоне всё более ужесточающихся заявлений высших должностных лиц США и других государств существенные изменения в организации и тактике борьбы ведущих иностранных спецслужб с террористическими угрозами*. В частности, речь идёт о многочисленных фактах противоправного похищения лиц, обвиняемых в при-

* В данном случае речь идёт о таких заявлениях бывшего Президента США Дж. Буша-мл., бывшего Президента Франции Н. Саркози, как «нераспространение на террористов норм права войны», «необходимость вести игру по правилам, навязываемым самими террористами» и т.п.

частности к террористической деятельности, с целью последующей внутрикамерной разработки и проведения допросов с использованием запрещённых методов. Для этого используются и так называемые секретные тюрьмы ЦРУ, расположенные на территории третьих стран и обладающие статусом экстерриториальности (на них не распространяется действие законов США и других стран)*. Для сохранения конспирации при доставке похищенных террористов в секретные тюрьмы преимущественно привлекаются частные авиакомпании. Кроме того, получила распространение практика использования решений высших судебных инстанций на превентивную физическую ликвидацию лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке террористических акций.

Особо следует отметить, что устоявшимся и проверенным на практике принципам работы зарубежных субъектов антитеррористической деятельности в борьбе с международным терроризмом, среди которых в первую очередь следует назвать решительность, бескомпромиссность, твёрдую последовательность и жёсткость в применении ответных контртеррористических мер, неуклонно следуют спецслужбы Израиля. Свои главные усилия они направляют на парализацию противоправной деятельности лидеров и активных членов экстремистских и террористических организаций, а

также поддерживающих их групп населения, которое достигается в том числе демонстрацией строгости и неотвратимости наказания за преступления террористического характера.

В основе тактики израильской спецслужбы «Моссад», активно действующей на направлении борьбы с терроризмом, лежит реализация превентивных мер силового и специального воздействия на руководство и инфраструктуру экстремистских организаций, а также так называемых ударов возмездия по заказчикам, разработчикам и исполнителям совершённых террористических актов.

Израильское законодательство допускает не только меры превентивного физического воздействия на активистов организаций, объявленных террористическими, но и конфискацию принадлежащей им собственности, собственности их ближайших родственников, разрушение с помощью бульдозеров и другими способами их домов, использование специальных методов допроса захваченных террористов.

Вышеназванные и им подобные методы борьбы с террористическими угрозами, по существу, наделяют спецслужбы функциями правосудия и, таким образом, выводят их из-под контроля общества. На этом основании они по определению не могут быть применимы в антитеррористической практике специальных служб и правоохранительных органов пра-

* Помимо широкоизвестной секретной тюрьмы ЦРУ в г. Гуантанамо на о. Куба, такие же тюрьмы и специзоляторы функционируют в г. Абу-Грейб в Королевстве Саудовская Аравия, г. Аль-Тамари в Марокко, г. Мултах Аль-Мазра в Египте, в г. Баку в Азербайджанской Республике, а также в Катаре, Таиланде и ряде других стран.

вого государства. Вместе с тем выработанные иностранными спецслужбами и полицией на основе накопленного опыта конкретные приёмы и способы контртеррористических действий тактического уровня не только заслуживают серьёзного внимания, но и могут быть достаточно эффективными в условиях Российской Федерации. К их числу, например, могут быть отнесены регулярно организуемые активные пропагандистские кампании, ориентирован-

ные на основные социальные группы населения Израиля и преследующие цели повышения всеобщей бдительности. В частности, они способствуют внедрению в общественное сознание успешно апробированных на практике правил поведения в общественных местах, реально обеспечивающих существенное снижение жертв от проводимых экстремистами террористических акций, в том числе с использованием террористов-смертников.

Как положительный, так и отрицательный зарубежный опыт противодействия террористическим угрозам имеет важное значение для оценки эффективности и дальнейшего совершенствования российской общегосударственной системы противодействия терроризму.

Хотя и неприменимый полностью в российских условиях, этот опыт заслуживает серьёзного внимания, глубокого анализа и обязательно должен учитываться руководителями и сотрудниками компетентных органов при организации работы на данном направлении деятельности.

Примечания

1. *Возжеников А.В., Выборнов М.А., Гончаров А.Ю.* [и др.]. *Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография.* М.: Эксмо, 2007. С. 359–360.
2. *Загорюлько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». М.: Экономика, 1974. С. 46–48.
3. Новая политика «Франция побеждает террор» // URL: <http://agentura.ru>
4. Устав армии США № 90-8: кризисные ситуации / пер. с англ. М.: Воениздат, 1986. С. 39.
5. *Черенин О.В.* Шпионский Кёнигсберг. Органы и операции спецслужб Германии, Польши и СССР в Восточной Пруссии: 1924–1942 гг. Калининград: ОАО «Янтарный сказ», 2010. С. 40–50, 73–87.
6. *Military Review.* 1980. May. P. 97.
7. *Military Review.* 1981. July. P. 39.
8. *Military Review.* 1984. March. P. 98.
9. *Osanka F.M.* The modern guerrilla warbare. The Free Press glincoe. 1962. P. 65.
10. *Paret P.* Guerrillas in 1960's. N.Y., 1972. P. 62.
11. *Shy G.* Guerrillas in 1960's. N.Y., 1972. P. 62.
12. URL: <http://www.3rm.info/15747-sily-specialnyx-operacij-i-vojna-v-livii-i.html>
13. URL: <http://spalex.narod.ru/biblio/spets.html>
14. URL: <http://dirair.narod.ru>
15. URL: <http://www.dogswar.ru/armii-mira/vooryjennye-sily/3515-sily-specialnyh-oper.html>